

Волосы Се Ю не были уложены гелем, они лежали свободно и естественно. Он опустил взгляд на то, что томилось на сковороде, и, словно не в силах на это смотреть, тут же поспешно отвернулся.

С лопаткой в руке Се Ю долго колебался, но всё же ответил:

— ...Стейк.

Ему было неловко смотреть на Юй Няня, поэтому он тихо добавил:

— Кажется, немного подгорел.

Стейк уже превратился в натуральный уголь, так что дело было вовсе не в «немного», но Юй Нянь всё равно понимающе и изо всех сил закивал:

— Ага!

А затем предложил:

— Может, я приготовлю?

К его удивлению, Се Ю решительно отказался:

— Я сам. Я хочу пожарить стейк для Няньняня.

У Юй Няня мгновенно поднялось настроение:

— Тогда я буду тебя учить!

Провозившись почти час, они наконец выставили на стол два успешно пожаренных стейка. Юй Нянь отыскал пару бокалов и разлил принесенное Се Ю красное вино.

После ужина, когда они вместе прибрали посуду, Се Ю мягко взял Юй Няня за тонкое белое запястье.

— Няньнянь.

Юй Нянь поставил стеклянный стакан и повернулся:

— М?

Се Ю, казалось, немного нервничал.

— У меня есть для тебя подарок. Подарок в честь девяноста девяти дней с тех пор, как мы вместе.

Позволяя Се Ю вести себя в кабинет, Юй Нянь с любопытством спросил на ходу:

— Что это? К чему такая секретно...

Слова замерли на его губах. Юй Нянь невольно остановился как вкопанный, не в силах оторвать взгляд от вещей, разложенных на письменном столе, и долго не мог вымолвить ни звука.

В горле пересохло. Юй Нянь крепко сжал ладонь Се Ю:

— Как... как ты... — вторая половина фразы никак не складывалась в слова.

На столе были аккуратно разложены два тушевальных камня и пять комплектов древних книг, которые Юй Нянь когда-то продал, чтобы выкупить картину «Пьяный конь на весенней прогулке».

Юй Нянь нерешительно подошел ближе. Он замер у края стола, словно боясь разрушить этот прекрасный сон, и лишь спустя долгое время осторожно коснулся синевато-фиолетового, с легким зеленым отливом дуаньского тушевального камня.

Он поймал себя на том, что его дыхание слегка дрожит.

Повернув голову к стоявшему рядом Се Ю, Юй Нянь попытался улыбнуться уголками глаз:

— Я вообще-то планировал выкупить их обратно, как только найду, где они находятся.

Се Ю нежно сжал ладонь Юй Няня.

Медленно, дюйм за дюймом, проводя кончиками пальцев по узорам на камне, Юй Нянь тихо заговорил:

— Эти два тушевальных камня очень старые. Дедушка рассказывал, что моя мама, прямо как я, в детстве сначала научилась держать кисть для письма, а уже потом — палочки для еды. Когда она была маленькой и училась каллиграфии, то пользовалась именно этим камнем. Позже, когда каллиграфии учился я, я тоже растирал на нём тушь. Дедушка иногда вспоминал маму. Говорил, что в детстве она не любила ни изящный устав цзаньхуа, ни утонченный стиль «золотой нити». Ей больше нравились древние и мощные письмена на стелах горы Тайшань и крепкое, словно железо, официальное письмо эпохи Хань. Тогда бабушка еще беспокоилась: мол, что же делать? А дедушка лишь громко хохотал, сидя в кресле в кабинете, и говорил: «Дочь моего рода Юй из Циншани любит каллиграфию эпох Цинь и Хань — и что с того?»

— Тогда, держа в руке кисть, я порой ловил себя на ощущении, будто мы с мамой совсем-совсем рядом.

Тщательно уложив тушевальные камни и древние книги на хранение, Юй Нянь запер сейф и поднял взгляд на Се Ю:

— У меня тоже есть для тебя подарок!

Достав из шкафа в спальне большую квадратную подарочную коробку, перевязанную бантом, Юй Нянь протянул ее Се Ю, с предвкушением глядя на него:

— Хочешь открыть и посмотреть?

Се Ю развязал нежно-голубую ленту и приподнял крышку. Внутри лежали сложенные бок о бок два... белых худи?

Не в силах отвести взгляд, Се Ю неуверенно спросил:

— Это... парные вещи?

Глаза Юй Няня весело сощурились:

— Да-да, парные! Я специально выбирал, как раз по одной каждому. — Он вытащил худи из

коробки и протянул ту, что была на размер больше, вместе с джинсами Се Ю: — Будем носить одинаковое!

У Се Ю незаметно покраснели кончики ушей.

— Хорошо.

Спустя пять минут они переоделись и вместе встали перед зеркалом. Се Ю уже давно не носил ничего, кроме строгих костюмов и рубашек. Он словно возвращался в свои девятнадцать лет: стоило тогда застегнуть пуговицы пиджака и повязать галстук, как он тут же становился собранным и сосредоточенным, отсекая все несбыточные иллюзии.

Глазея на свое отражение в белом худи с капюшоном, джинсах и кроссовках, с непривычно расслабленным выражением лица, которого сам за собой и не замечал, Се Ю на мгновение забылся.

Юй Нянь тоже разглядывал Се Ю, тепло улыбаясь. Мужчине рядом с ним было всего двадцать четыре года — он был старше Юй Няня всего на два года. Совершенно не умеющий подбирать слова и временами невероятно застенчивый, он упрямо носил эту маску, заставляя всех вокруг верить, будто он холодный, расчетливый и неприступный.

Поправив шнурки на капюшоне Се Ю и подергав за логотип на собственном худи, Юй Нянь спросил:

— Красиво? Ну скажи, у меня ведь отличный вкус?

— Да, красиво. Отличный вкус.

Юй Нянь обвил руками шею Се Ю, чмокнул его в щеку и предложил:

— Может, сфотографируемся вместе?

Се Ю инстинктивно приобнял Юй Няня, не в силах отказать его сияющим от предвкушения глазам:

— Давай.

Опустив руки, Юй Нянь в несколько шагов добрался до брошенного на кровать телефона, открыл камеру и, направив объектив на зеркало, скомандовал:

— Се Ю, положи мне руку на плечо... Да, вот так. Снимаю! Три, два, один!

Щелк — и кадр замер. На фото они стояли в одинаковой одежде и обуви, почти одного роста — оба стройные и длинноногие. Юй Нянь сиял улыбкой, держа телефон в правой руке, а левой показывая традиционный жест «виктори». Несколько растрепанных прядей Се Ю слегка прикрывали его резкие брови. Он чуть повернул голову и с мягкой нежностью смотрел на человека, которого обнимал, а на его губах играла легкая улыбка.

Юй Нянь какое-то время разглядывал снимок, а потом спросил:

— В честь девяноста девяти дней, что мы вместе — давай распечатаем эту фотографию?

У Се Ю, как обычно, не возникло возражений:

— Хорошо. — Его взгляд задержался на экране телефона. Помолчав, он добавил: — Няньнянь, я тоже хочу это фото.

— Сейчас скину! — Юй Нянь в пару нажатий отправил снимок Се Ю и тут же заметил, как тот тайком установил его на обои рабочего стола. Словно боясь быть пойманным с поличным, Се Ю с самым невозмутимым видом погасил экран и убрал телефон в карман.

На следующий день после полудня Юй Нянь вовремя прибыл в студию на запись шоу «Позволь мне спеть». Поскольку это был финальный выпуск, декорации на сцене перестраивали, и повсюду громоздились строительные материалы. Юй Нянь аккуратно обошел их и пробрался за кулисы.

Сунь Мэнцзэ и Вэй Лу уплетали фрукты из большой тарелки. Заметив Юй Няня, они помахали ему:

— Няньнянь, иди скорее сюда! Мы оставили тебе манго, оно невероятно сладкое!

Юй Нянь подошел к ним, поблагодарил и с помощью маленькой вилочки быстро расправился с двумя крупными кусочками манго. Заметив стоявшую в стороне притихшую Бай Янь, он удивился:

— Сестра Бай Янь, а ты почему не ешь?

Проглотив кусок яблока, Сунь Мэнцзэ поднял руку:

— Я знаю, я знаю! Она ходила на мероприятие в вечернем платье, и ее неретушированные фотографии слили в сеть. Теперь над ней все насмеются, говорят, что она растолстела!

Бай Янь сердито зыркнула на Сунь Мэнцзэ. Не выдержав обиды, она подошла и один за другим съела несколько кусочков фруктов:

— Где я растолстела? Ничуть не растолстела!

Юй Нянь с улыбкой поддержал ее:

— Вот именно, сестра Бай Янь красавица!

Вскоре они общими усилиями опустошили всю тарелку. В студии начали тестировать звук и световые эффекты. Сунь Мэнцзэ встал, прикрыл дверь гримерки, вернулся на место и спросил:

— В этот финальный вечер, когда будут распределять первое, второе и третье места, команда шоу ведь ничего заранее не планировала?

Вэй Лу покачал головой:

— Должно быть, после того как Няньнянь в прошлый раз дал им отпор, они поумерили пыл и не стали устраивать фальсификаций. Тройка финалистов уже подписала контракты с агентствами, теперь они просто ждут выхода шоу в эфир, чтобы выпустить синглы на волне популярности.

— Ну да, честно говоря, места на шоу талантов мало на что влияют, их дальнейшая карьера — дело непредсказуемое. — Бай Янь приложила руку к груди, блески на ее ногтях ярко сверкнули. — Но, слава богу, финал обойдется без подтасовок. Мои остатки совести хотя бы не будут ныть!

Все четверо рассмеялись.

Каждый углубился в изучение сценария. Вдруг Бай Янь что-то вспомнила, придвинулась к Юй Няню и понизила голос:

— Кстати, я все думала, стоит ли тебе говорить... Юй Цин ведь твоя сестра?

Юй Нянь закрыл лежавшие перед ним материалы и кивнул:

— Да.

— Я виделась с ней всего пару раз, мы совсем не знакомы, поэтому мне неловко обращаться к ней напрямую. Дело вот в чем: моя близкая подруга на днях упомянула, что какая-то девица постоянно распускает грязные слухи о Юй Цин за ее спиной. Говорит очень злые вещи и, похоже, действительно знает о ней немало личного. Ведет себя совершенно нагло, будто за ней кто-то стоит.

<http://bllate.org/book/18301/1757248>